

Четыре года и еще тридцать лет

Г.А. ПРАЗДНИКОВ
профессор, заведующий кафедрой
философии и истории
Санкт-Петербургской
государственной академии
театрального искусства

Долго думал, как назвать эти страницы. Наше общение, несомненно, было дружеским, я знаю это, но не решился бы назвать свой текст «Воспоминания о друге». Как-то Яков Фомич познакомил меня в Москве с Натаном Моисеевичем Годером, философом, много лет проработавшим в Фундаментальной библиотеке общественных наук. В словах каждого из них друг о друге слышалась не только привязанность, но и какая-то мужская нежность. Они были друзьями. Я не знаю, кто еще входил в круг его самых близких. Яков Фомич целомудренно защищал свой интимный мир, очень неохотно открывал его другим. Тем явственнее в таких редких разговорах чувствовалось особое тепло по отношению к родителям, погибшему брату.

Могу ли назвать его учителем? Тоже не знаю. Несмотря на наше достаточно интенсивное общение, профессиональные разговоры занимали ничтожно малое место, я не был его аспирантом, да и проработали мы вместе в Пединституте всего четыре года. Я даже не уверен, был бы сегодня в своей профессии, если бы не он: у меня не было философского образования, и это Яков Фомич убедил меня в необходимости освоить лекционный курс по философии, написать философскую статью. Он первым дал серьезную оценку моим лекциям по эстетике, был первым редактором моих статей – учил писать, не только выявляя профессиональные погрешности, но и обучая литературному стилю. Когда в 1989 году он поздравил меня с профессорским дипломом, мои ответные слова благодарности не были этикетным жестом.

Я признателен ему за крайне резкие слова в мой адрес по случаю обнаружения им невыправленных опечаток в тексте, который был дан на кафедральное обсуждение. А ведь наши отношения тогда носили не только официальный характер. Я не ожидал такого тона, мне было неловко, но, слава богу, что я получил этот урок в 25–26 лет. Всегда вспоминаю об этом с благодарностью, когда корректирую диссертационные тексты аспирантов или статьи, поступающие на рецензирование.

Но это не главное. Три с лишним десятилетия он был для меня гуру, который не учит, но которому следуют. Мне нравилось его существование в профессии – философия была для него способом экзистенциального бытия, она даже не ограничивалась рационально-теоретическим пониманием

мира, но естественно «работала» в повседневной жизни.

Он многих превосходил своей эрудицией, ясностью мысли, выверенностью и остроумной точностью формулировок, не говоря уже о качестве ума, которое можно назвать «интеллектуальной наглостью», говоря словами Т. Манна. В нем начисто отсутствовало высокомерие. Его «ступенчатый» смех (ни у кого такого не слышал) возникал в любых ситуациях, внося необходимый элемент простодушия.

Во всяком случае, несомненно, привлекательность его человеческих качеств способствовала преодолению первоначально возникшего (для меня!) возрастного барьера.

Мы познакомились в июле 1964 года. В возрасте 24 лет я переехал к родителям в Саратов из Ленинграда. За плечами у меня был двухлетний опыт вузовского преподавания. Несмотря на отпускное время, Яков Фомич пришел в ректорат для встречи. На меня он произвел впечатление пожилого лысеющего профессора из другого времени, строгий облик которого завершали сильные очки. Господи, ему было всего 38 лет! (Через месяц, когда дома отмечали 50-летие моего отца, я дивился тому, как такие старики поют под гитару и хохмят.)

В сентябре я приступил к занятиям, прошло первое заседание кафедры (на ней оказались симпатичные люди), но именно с заведующим довольно быстро установились неформальные отношения. Выяснилось, что привезенные мною магнитофонные записи Окуджавы, Высоцкого, Клячкина заинтересовали Якова Фомича. У него дома мы устроили прослушивание. Пришел со своими кассетами Николай Борисович Воронцов – заведующий кафедрой философии, кажется, политехнического института. Качество всех записей было ужасное, но мы переписывали их друг у друга. Вскоре, оказавшись у меня дома, Яков Фомич заинтересовался неплохой поэтической библиотекой, которую я собирал начиная со старших классов. Его познания в этой области оказались совершенно для меня неожиданными. Проникнувшись доверием к своему «заву», я дал ему толстенный кирпич фотокопий огромного тома стихотворений Осипа Мандельштама (знаменитое американское издание под редакцией Н. Струве), что по тем временам было небезопасно для обоих.

Это потом у меня сложится круг замечательных друзей, с которыми сдружится и Яков Фомич, а пока меня и моего друга со студенческих лет и по сей день Лиду Гусеву со своими друзьями знакомит мой кафедральный шеф. Я еще не очень хорошо понимаю научный ценз своего заведующего, знаю только, что предмет его интересов – бесконечно далекие от меня философские проблемы естествознания. Он никак не афишировал предстоящее московское издание монографии, докторскую защиту. Потом события следуют

лавинообразно: книга «Проблема времени» – доктор – профессор. Вскоре он перейдет на заведование кафедрой в Саратовский государственный университет. Мы сфотографируемся на память маленьким составом нашей пединститутской кафедры, пожелаем нашему шефу успехов на новом месте. Известность Якова Фомича растет стремительно.

Я не собираюсь давать оценку философских трудов Якова Фомича – это сделают лучше его ближайшие коллеги и ученики, тем более что вне моего поля зрения была его огромная научно-организационная работа, результаты которой достаточно хорошо известны. Его толкование времени, понимание принципов детерминизма, представление о творчестве как атрибутивном свойстве бытия или введенное в научный обиход понятие «презумпция экстраполируемости» (коллективная монография «Бесконечность и Вселенная») существуют в философии уже без ссылок на автора.

Серьезное знание и понимание искусства позволили Якову Фомичу не просто проиллюстрировать общие положения философской темпоралогии теми или иными художественными явлениями, но и дать методологическое основание целому направлению в искусствоведении и эстетике. Он считал публикацию своей статьи в книге «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» знаменательным (и не только для автора) событием.

Несколько лет спустя, будучи проректором по научной работе Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, открывая большую конференцию по проблеме времени в искусстве, на которой с одним из основных докладов выступил Яков Фомич, я испытал особо радостное чувство от того, что не мною было инициировано его приглашение – имя Аскина уже было известно в среде искусствоведов, исследующих проблемы времени.

Я видел, чувствовал, что ему нравится быть своим в этой среде, он органично вошел как профессионал в область, которая всю жизнь была предметом его душевной склонности и любви.

Как-то мы вместе отмечали Новый год (1966 или 1967). Яков Фомич, произнося тост по поводу ушедшего года, начал его так: «Это был замечательный год, у меня в нем были два литературных праздника: я прочитал “Святой колодец” Катаева и “Победу” Аксенова» (опубликованная в «Юности», ныне забытая новелла.) Сказано это было искренне, без всякого кокетства.

Литературу он считал чудом, тайной, а чтение – важнейшим занятием всей его жизни. Об этом мы узнали из опубликованных посмертно фрагментов записных книжек. Там много тому свидетельств (очевидно, разных лет записи не датированы), но я мог бы добавить к зафиксированным именам и произведениям много разного. Он читал Пруста и Джойса (по первой публикации

отрывков в журнале «Интернациональная литература»), а когда я сказал об изданной у нас книге «Дублинцы», выяснилось, что читал и ее (даже вспомнил формат и цвет). Оказавшись в Ленинграде во время похорон Зощенко, он поехал на панихиду и даже нес гроб писателя. Яков Фомич был убежден, что масштаб и значение Зощенко еще не получили должной оценки. Отдельными страничками он регулярно перечитывал «Ни дня без строчки» Олеси и многократно обращаясь к «Мастеру и Маргарите», каждый раз прочитывал книгу от начала и до конца.

Таким же непосредственным было его отношение к далекой классике – с интересом читал Данте и Шекспира, не принимал Достоевского и сам же себя потом опровергал. Помню очень резкое (значительно резче, чем в записных книжках) его суждение о Чехове (здесь мы не сошлись). А какой у нас был замечательный разговор об «Обломове», которого я прочитал с «подачи» Марчелло Мастрояни, назвавшего в интервью журналу «Советский экран» Обломова своим самым дорогим и любимым героем русской литературы.

Он бывал на спектаклях и фильмах, осмысливал их и интересно «проговаривал» свои впечатления.

Неожиданно возник интерес к изобразительному искусству, даже к его коллекционированию. Он позвонил и попросить к нему приехать – купил в Москве акварель П. Кончаловского. Мне не показала эта работа значительной (на значительную, наверное, и денег бы не хватило), но был важен сам факт – он купил Кончаловского, может быть, положив начало собирательству.

Якова Фомича привлекал художественный мир, и это было одним из проявлений артистичности его натуры. Сейчас опубликованы некоторые его стихи, значительно больше их я слышал в его исполнении. Сохранилась афиша клуба МГУ о поэтическом вечере литобъединения, где в одном списке с Яковым Аскинадзе – Владимир Солоухин, вступительное слово произносил известный поэт и переводчик Михаил Зенкевич, а заключает вечер Павел Антокольский. Яков Фомич охотно предавался этим воспоминаниям, вовсе не относя их к «грехам молодости».

Сложный был человек. Открытый, доброжелательный, гостеприимный, часто по-детски импульсивный. Летом 1965 года я поехал отдыхать по путевке в пансионат г. Гудаута (Абхазия) и оттуда по договоренности послал письмо со своими южными впечатлениями Якову Фомичу. Глазам своим не поверил, когда через несколько дней увидел идущих мне навстречу Якова Фомича с Полиной Ивановной. Они прилетели из Саратова, и много дней мы отдыхали вместе – ездили в горы, купались, ели шашлыки и пили вино.

Этот напиток (иногда и в более крепком его исполнении) тоже является необходимой деталью воспоминаний. (В изданной большой книге диалогов с нашим общим другом, Моисе-

ем Самойловичем Каганом, уже ушедшим в мир иной, есть целая глава, посвященная алкоголю.) По крайней мере, не могу не поделиться несколькими репликами Якова Фомича по поводу общения «за бутылкой». Когда мы еще только «преодолевали» обычный регламент отношений руководителя и подчиненного, но уже позволили себе зайти вместе в винный отдел гастронома, мой шеф обосновал нашу покупку так: «Вообще-то, Георгий Александрович, я спокойно отношусь к спиртному, но ведь не можете вы не согласиться, что это отличное средство общения». Я не мог не согласиться.

А вот совсем другая «установка». Сфотографировавшись всем коллективом пединститутской кафедры на память, по пути из фотоателье мы зашли вместе пообедать в кафе. Заказали обед на пятерых, и Николай Андреевич Горбачев, который с трудом выпивал рюмку водки, понимая, что это последнее наше общее сидение, обратился к бывшему шефу: «Яков Фомич, может быть, мы возьмем что-нибудь для аппетита?» Шеф ответил вполне серьезно: «Николай Андреевич, когда я хочу выпить, я пью, потому что хочу выпить. И не придумываю для этого никакого камуфляжа. Давайте возьмем».

Или вот такое вполне убедительное философское обоснование необходимости продолжения застолья. Мы сидели в кафе «Ветерок» (нижний этаж моего дома), выпили бутылку какого-то дрянного вина (ничего другого не было), и Яков Фомич заказал еще одну. Не сильно сопротивляясь, я, тем не менее, сказал, что уже слегка захмелел. Реакция поразила меня простотой и убедительностью: «Георгий Александрович, а для чего же мы пьем? Мы ведь и пьем для того, чтобы захмелеть». Ну что тут скажешь?

И последнее «тематическое» воспоминание. Мы идем вдвоем посидеть в ресторане и по пути встречаем какого-то знакомого Якова Фомича, которого он приглашает быть «третьим». – «Да что Вы, Яков Фомич, я с диссертацией зашиваюсь». – «Ну что же такого? – рассудительно говорит Фомич. – Защитите диссертацию на четыре часа позже».

А вот другой – закрытый (без кавычек) – мир этого человека. Не знаю, говорил ли кому-нибудь Яков Фомич о своих записных книжках, со мной, более чем за тридцать лет знакомства, – никогда. Сказал какую-то общую фразу, явно нежелая этого разговора. Мы сидели рядом в Доме политпросвещения на встрече с первым секретарем Алексеем Ивановичем Шibaевым, выступление которого было на редкость «разбросанным» – к чему он клонил разговор, просто невозможно было понять. Когда мы вышли из зала, Яков Фомич сказал: «Обратили, Георгий Александрович, внимание? Замечательный пример ассоциативного бокового мышления» (формулу помню дословно). Так вот, во время речи мой сосед достал из кармана маленькую записную книжечку (я тоже такими

пользовался, они были одного формата и стоили 22 копейки – теперь таких нет) и что-то стал записывать. Я увидел кусочек текста, явно обращенного к самому себе: «Ни в какой ситуации не забывать...». Смущенно отвернулся, но Яков Фомич понял, что я увидел его запись и пояснил: «Кое-что набрасываю для себя».

Судя по книжкам, это скрытая от взгляда внутренняя жизнь, задания самому себе, разнообразные оценки (в первую очередь себя). Конечно, в прочитанном мною что-то совпадает с тем, о чем мы за многие годы говорили, но чаще всего это только ему ведомый мир.

Неоднократно по всяким поводам возникал у нас разговор о наградах, дипломах, аттестатах. Несколько раз он повторял фразу из романа Анатоля Франса: «Ордена, конечно, надо презирать, но лучше их презирать имея». По записным книжкам мы видим, как важны для него были эти знаки, итожащие жизнь: «Есть награды за войну, а теперь, вот, и трудовое служение отмечено медалью. Все идет нормально».

С толстовской тщательностью планировал этот человек свою жизнь, получая удовольствие и испытывая чувство покоя от реализации своих планов. Многое становится понятным в нем, когда почти как заклинание себе читаешь: «Ни обиды. Ни зависти. Ни отчаяния. Радоваться тому, что Я – это Я, быть тем, кто есть, ни с кем не соперничать. И делать добро в большем объеме, чем его получаешь сам».

У нас на кафедре в Пединституте был доцент, которого перевели на инвалидность без права работы. По инициативе Якова Фомича мы (а было нас всего 5 человек) выполняли его нагрузку, и он в течение года получал зарплату.

У Якова Фомича было в высшей степени серьезное отношение к Родине, России, к русскому народу, войне, своей армейской службе. Я это чувствовал всегда, но с какой, оказывается, определенностью он рассуждал на эти темы с самим собой. Такое же было у него отношение к педагогической работе, к науке, притом что никакой «натужности» никогда ни в разговорах, ни в действиях не было. Не было «истощности» в его бойцовском поведении, а оно не раз на моих глазах было именно таким.

Никогда в советские годы Яков Фомич не был «аллилуйщиком». С глазу на глаз мог высказываться резко. Как-то на мои сетования по поводу очередного «закручивания гаек» жестко сказал: «В вашем возрасте такая инфантильность неприлична. Неужели не ясно: гайка стоит, и никто ее снимать не собирается». Перестройку, как и все мы, принял радостно, но направленность реформ, по-моему, оглушила его. В записных книжках мелькает что-то об «окаенных днях» 1991, но это слабый выплеск того, что происходило в душе.

Как знать, какую роль играют все эти переживания в жизни наших клеток? Об этом горько писать. И не могу молчать.

Обычно, приезжая в Саратов, я в первый же день звонил ему. Раздавалось долгое «А-а-а... Георгий Александрович! Приходите прямо сейчас, Поленька нам что-нибудь соберет». Так было почти 30 лет.

Последний разговор летом 1997 был такой:

– Я не могу вас позвать. У нас плохо.

– Что плохо?

– Все плохо. Простите.

Мне уже дважды пришлось писать воспоминания о близких мне ушедших из жизни людях. В этом году мне самому должно исполниться 70 лет, а Яков Фомич покинул этот мир в 71. Невольно подводишь собственные итоги. Не все сложилось, не всем доволен. Однако было в моей жизни везение, не всем выпадающее – замечательные люди. Очень разные, но замечательные.

Мои воспоминания об Аскине

В.Н. БЕЛОВ

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой
философии культуры и культурологии,
декан факультета философии и психологии
Саратовского государственного
университета

С Я.Ф. Аскиным я стал достаточно интенсивно общаться с середины 90-х годов прошлого века, когда он ушел на пенсию, а я поступил в докторантуру и активно занимался подготовкой своей докторской диссертации. В общем, у нас было много свободного времени, и мы его использовали для самого, наверное, ценного в жизни – человеческого общения. Наши встречи мы сами планировали, и они проходили не реже одного раза в неделю. Нужно сказать, что после завершения преподавательской карьеры Яков Фомич испытывал определенный дефицит человеческого общения и был всегда очень рад, если к нему приходили в гости друзья, коллеги, знакомые. Я, в силу нашей разницы в возрасте, не мог, конечно, относить себя к друзьям Якова Фомича, но встречи наши проходили в теплой и дружеской обстановке.

Темы наших бесед были самыми разнообразными. Яков Фомич живо интересовался делами на кафедре и в университете, всеми изменениями в жизни его коллег. Не обходилось и без обсуждения философских проблем, которыми занимался мэтр и которые интересовали меня в ту пору. Нужно сказать, что политические и спортивные темы его мало занимали. Иногда размышления Якова Фомича по той или иной философской проблематике выводили его на воспоминания о людях, известных в философской среде, с которыми ему приходилось учиться, работать или контактировать на международных конференциях,

конгрессах, защитах кандидатских и докторских диссертаций. Религиозная тематика была для него, на мой взгляд, достаточно болезненной. Он и не считал себя воинствующим атеистом, но и верующим он никогда не был, честно признавая свою неспособность верить в Бога.

Когда я в середине 1997 года стал готовиться к поездке в Германию, выиграв грант немецкой службы академических обменов, Яков Фомич попросил меня связаться там с его старшим братом и дал мне контактные телефоны. Он рассказал мне о его трагической судьбе. Брат со своей женой, русской немкой, проживал в Казахстане, а когда стал возможен переезд в благополучную Германию, решил уехать туда к родственникам жены. Но сразу после приземления в немецком аэропорту его жена скончалась, не выдержав, наверное, физических и эмоциональных перегрузок, и брат Якова Фомича оказался совершенно один в чужой стране, не владея немецким языком.

Яков Фомич ушел из жизни до моего отъезда в Германию, но я выполнил его последнюю просьбу, встретившись с его братом.

Женщина из-за овражья

Т.П. ФОКИНА

профессор кафедры
социальных коммуникаций
Поволжской академии
государственной службы

Человек «с биографией». Так говорят не просто о значительных людях, а о тех, жизнь и судьба которых интересна сама по себе как знаковое явление, тесно связанное со своим временем, его изломами и изгибами, итогами и последствиями. К числу таких людей принадлежит, несомненно, Яков Фомич Аскин.

Время, о котором он много размышлял и многое успел сказать, только усиливает значительность его личности, важность решений, принимаемых им как гражданином, ученым, руководителем, товарищем. Этих решений он не боялся, хотя многие из них требовали от него умения рисковать, размышлять и отвечать за их последствия.

Для меня некоторые его решения оказывались поворотными. Я не училась у Якова Фомича, не была ни его студенткой, ни аспиранткой, но в момент защиты диссертации в 1967 году он оказал мне существенную поддержку при подборе оппонентов и во время дискуссии, на самой защите.

В то же время он пожурил меня за то, что я «умудрилась» написать свою квалификационную работу по философии техники, плохо зная западных философов, которые писали по этой проблеме. Оправдания по поводу «занавеса», хотя бы и «железного», им не принимались. Он полагал, что